

Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995)

ПАМЕЛА ДЭВИДСОН

Pamela DAVIDSON, School of Slavonic and East European Studies, University of London,
Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU, England

*«Постепенно расширяя область безусловного
и общеобязательного знания о поэте, мы рас-
чищаем дорогу его посмертной судьбе».*

(Осип Манделъштам, 1922)¹

Восприятие автора критикой – не просто предмет академического интереса: это та движущая сила, которая способствует развитию чувства литературной традиции. Когда Нина Берберова заметила в некрологе об Иванове, что он «остался чужд русскому читателю», она тут же поспешила добавить, что, хотя это «поэт для немногих» – и, без сомнения, останется им навсегда, – необходимо, тем не менее, вернуть его произведения из безвестности и отвести ему подобающее место в рамках литературной традиции². Вопрос, насколько состоялось такое возвращение, остается открытым. Хотя написанное Ивановым обнаруживает замечательное постоянство взглядов и цельность духа, мало кто из его современников и критиков смог приблизиться к нему по диапазону своих интересов и глубине мысли. Немногие разделяли его стремление к единству и синтезу. И потому отзывы о его личности, идеях и произведениях нередко бывали фрагментарны и противоречивы, отражая те временные, пространственные и идеологические границы, которые сам Иванов стремился преодолеть в своих сочинениях.

В настоящем очерке делается попытка воссоздать общую картину этих разнородных отзывов, чтобы установить главные факторы, определившие судьбу Иванова в критической мысли на протяжении этого столетия. Основываясь на составленной автором этой статьи библиографии 1300 критических работ об Иванове³, мы намечаем, в общих чертах, некоторые важнейшие, типичные тенденции, которые можно установить на данном материале, разделяя его на четыре периода: 1903–1924, 1925–1961, 1962–1985, 1986–1995. В заключительном разделе

¹ Манделъштам Осип. Барсучья нора: Собрание сочинений в трех томах. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, 2. Нью-Йорк 1971, 270.

² Берберова Н. Памяти Вячеслава Иванова: Русская мысль, 1949, № 159 (3 августа), 5.

³ DAVIDSON, Pamela. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. New York 1996. Автор выражает благодарность British Academy и Leverhulme Trust за гранты для работы над этой темой на разных стадиях.

излагается мнение автора о нынешнем положении дел в изучении творчества Иванова и предлагаются различные направления для будущей работы в этой области.

1903–1924

Этот период распадается на три взаимосвязанных этапа. На начальном этапе (1903–1907) Иванов опубликовал три первых сборника своих стихов, «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904) и «Eros» (1907), и несколько имевших большое влияние статей, посвященных различным аспектам религии Диониса и теоретической разработке его эстетики символизма. В эти ранние годы он был занят, главным образом, вхождением в основное русло культурной жизни России, созданием фундамента для своих идей и укреплением своей литературной репутации.

Ранние рецензии на его сборники весьма делятся на две категории: одни – написаны для популярных журналов консервативными критиками, другие – поэтами и писателями символистского круга для журналов, входивших в орбиту этого движения. Первая группа рецензий явственно показывает, что публика была, как правило, недостаточно подготовлена к новаторским идеям и стихам Иванова. Во многих рецензиях, косвенно присутствовал вопрос, принять ли нового поэта в русскую литературную традицию. Чаще всего высказывалось предубеждение, что абстрактные темы – неподходящий предмет для поэзии (которая должна быть лирической и связанной с реальной жизнью) и что «трудному» языку или образности нет места в стихах (которые должны быть доступны и легкочитаемы). Один из рецензентов зашел так далеко, что объявил «лирику мыслей», по сути своей, «чуждым славянскому духу искусством»⁴. Таким образом, у Иванова обнаруживали два недостатка: темы его стихотворений, казались чуждыми реальной жизни, а эрудитские аллюзии и архаический язык подвергались суровой критике и насмешкам.

Критики не замечали, что острие их атаки, на самом деле, было направлено как раз на те две главные области, в которых Иванов более всего повлиял на восприятие поэзии читателем: принцип сложности в поэзии и использование скрытых аллюзий при помощи символов, мифов и обращения к другим текстам. Первые критики не видели обновляющих возможностей языкового архаизма Иванова; они не соотносили сложности его поэзии с идеей мистического посвящения и не замечали, что частое обращение к классической мифологии связано с задачей желанного возрождения античности. Однако в конце десятилетия утверждение Измайлова, называвшего Иванова Третьяковским, чье подражание Державину неоправданно, изящно парировал Белый,

⁴ К(у)рс(инский А. А.) Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. Кормчие звезды. Книга лирики: Курьер, 1903, № 88 (27 мая), 3.

заявив, что Иванов не Тредиаковский, но Державин, прокладывающий путь новому Пушкину⁵.

Быстроту, с которой произошло это изменение в восприятии творчества Иванова, можно отчасти объяснить возрастом поэта: в 1903 г., когда был опубликован первый сборник его стихов, Иванов стоял на пороге сороколетия. Он был гораздо старше Блока и Белого, которым тогда было по двадцать три года. С другой стороны, этому способствовало и то обстоятельство, что его идеи, хотя и сложились в годы учения за границей, были почерпнуты из тех же источников, что и идеи, усвоенные молодым поколением символистов, выросших в России: из произведений Владимира Соловьева, Ницше, Достоевского и Тютчева. Этим объясняется полный энтузиазма отклик, встреченный им у молодых поэтов, который, в конечном счете, превзошел враждебный прием консервативных критиков.

Те ранние рецензенты, которые сами были поэтами, симпатизировавшими символизму, оказались гораздо более чутки к темам и приемам поэзии Иванова. Многим из них были близки идеи Иванова и, читая его стихи, они прямо соотносили эти идеи со стихами⁶. Хотя такой подход неизбежно порождал оранжерейную атмосферу и очевидный недостаток критической объективности, их рецензии сыграли важную роль в становлении и укреплении новой литературной традиции и являются ценными памятниками символистской критической мысли. Особый интерес представляют рецензии Брюсова. Они ценны как образцы критических отзывов поэта, которому удалось сохранить большую объективность⁷.

Таким образом, в откликах на произведения Иванова с самого начала проступали соображения, хотя и не совсем внелитературные, но, тем не менее, во многом определявшие окололитературную полемику. Как неизбежное следствие полемического характера большей

⁵ Измайлов А. На переломе. Литературные размышления. Вячеслав Иванов. Валерий Брюсов. Зинаида Гиппиус. А. Каменский. Андрей Белый. Ал. Блок. М. Кузьмин. Санкт-Петербург 1908, 5–14; *Белый Андрей*. Вячеслав Иванов. Силуэт: Утро России, 1910, № 263 (2 октября), 2.

⁶ См. *Блок Александр*. Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. Прозрачность. Вторая книга лирики: Новый путь, 1904, № 6 (июнь), 204–206; *Он же*. Творчество Вячеслава Иванова: Вопросы жизни, 1905, № 4–5 (апрель–май), 194–206; *Чулков Г.* Рец. на кн.: Северные цветы. Ассирийские: Вопросы жизни, 1905, № 6 (июнь), 248–258; *Он же*. Молодая поэзия: Товарищ, 1907, № 337 (5 августа), 3–4; HOLSTEIN, Alexandra. *Tantale. Tragédie de Venceslas Ivanoff*: Ecrits pour l'art, n. s., март 1905–февраль 1906, 449–480; *Волошин Максимилиан*. Лики творчества. III. Егос Вячеслава Иванова: Русь, 1906, № 88 (28 декабря), 3; *Герцук Е.* Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. Егос: Золотое руно, 1907, № 1, 90–91.

⁷ *Брюсов Валерий*. Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. Кормчие звезды. Книга лирики: Новый путь, 1903, № 3 (март), 212–214; *Он же*. Рец. на книги: Белый Андрей. Золото в лазури. Первое собрание стихов; Иванов Вячеслав. Прозрачность. Вторая книга лирики: Весы, 1904, № 4 (апрель), 60–62; *Он же*. Новые сборники стихов: Весы, 1907, № 2 (февраль), 83–86.

части критики, исходившей из обоих лагерей, прямые суждения об Иванове-поэте уже с довольно раннего времени подменило рассмотрение его идей. В отдельные моменты эта тенденция достигала своего пика. Так, например, в полемике по поводу мистического анархизма (1906–1907) Иванов явственнее всего фигурировал как идеолог и его поэзия обычно цитировалась и обсуждалась исключительно в этом контексте. Раз сложившись однажды, такой подход прочно укоренился. Можно даже утверждать, что поэзия Иванова и до сих пор весьма нечасто оценивается независимо от идеологических взглядов критиков.

К началу второго этапа (1908–1917) Иванов уже пользовался большим авторитетом, был автором трех сборников стихотворений и значительного числа влиятельных статей и рецензий, учителем со все растущим кругом учеников и крупнейшим теоретиком символистского движения. Об этом новом его статусе свидетельствует появление обзорных статей, в которых делались попытки оценить влияние Иванова на современную поэзию. Аничков, например, завершил свой анализ новых тенденций русской поэзии в контексте их истории, разделом об Иванове, которого считал главным источником надежд для поэзии будущего, поэтом, чья теория мифотворчества может дать жизнь «Новому Слову», основанному на новой «эстетике без эстетизма»⁸. Традиционные предрассудки старой школы еще продолжали звучать в статьях нескольких одиноких критиков, подобных Измайлову, но даже их тон смягчился. В Иванове теперь видели человека, с которым нужно считаться, чьими идеями руководствуются литературные течения того времени и чье право на место в литературе неоспоримо.

Важным фактором, способствовавшим утверждению Иванова в этой новой роли был выход первого сборника его статей, «По звездам» (1909). Несколько положительных рецензий на сборник послужили в глазах читателей укреплению авторитета Иванова как одного из ведущих теоретиков литературы. Адрианов воспользовался выходом книги, чтобы сделать обзор достижений современной модернистской литературы, и подчеркнул в этой связи центральную роль Иванова, оказавшего важнейшее влияние на формирование эстетического мировоззрения молодого поколения поэтов⁹. Однако, в то же время, сборник косвенным образом положил начало и сильной встречной волне реакции против доминирующего влияния идей Иванова. Ее источником было все нарастающее сопротивление сложной для восприятия прозе поэта. Прежде неудовлетворенность этой стороной его произведений ограничивалась тем, что его объявляли воскресшим Тредиаковским или указывали на несоответствие провозглашаемого им идеала большого, всенародного искусства и эзотерической неясностью его

⁸ Аничков Евгений. Последние побеги русской поэзии (Продолжение): Золотое руно, 1908, № 3–4, 111.

⁹ Адрианов С. Критические наброски: Вестник Европы, 1909, № 10, 838–854.

собственного, доступного лишь посвященным. Теперь эта неудовлетворенность достигла нового уровня и нашла выход в двух параллельных линиях критики, нацеленных на социальную и философскую стороны его эстетической системы.

Социальная линия была ярко выражена в двух вышедших одна за одной статьях Мережковского – «Земля во рту» и еще более резком продолжении «Балаган и трагедия»¹⁰. Мережковский оспаривал мысль о близящемся духовном возрождении современной России, высказанную Ивановым в очерке «О русской идее» (1909); он находил, что основной грех символистов – их уход от общественности в собственный мир разочарования, приравненного ими к состоянию русской народной души. В упоминавшейся выше статье Адрианов говорил об обреченности стремлений модернистских писателей разрешить общенародные проблемы, выходящие за рамки их понимания, а Николаев утверждал, что Иванов просто не может осознать, что «обновление религиозного сознания есть задача этико-социальная, а не эстетическая»¹¹.

С философских позиций Иванова критиковал Мокиевский, опровергавший в самой ее основе ивановскую теорию искусства как метода философского или объективного познания¹². Другие рецензенты, как, например, Франк, сочетали обе линии, критикуя и социальные, и философские положения эстетики Иванова¹³. Хотя Иванова энергично защищали такие деятели, как Тастевен, секретарь редакции «Золотого руна», или философ Степун, даже в этом лагере можно заметить некоторую амбивалентность¹⁴. Бердяев признавал в Иванове подлинного мистика и поэта, у которого есть своя миссия перед будущим, но, в то же время, считал, что «дионисизм нельзя проповедывать»¹⁵. Сюннерберг, выражая свое почтительное восхищение идеями мастера, тем не менее, называл их «воздушными мостами» и признавался в своем скептическом к ним отношении¹⁶.

¹⁰ Мережковский Д. Земля во рту: Речь, 1909, № 314 (15 ноября), 2; Он же. Балаган и трагедия: Русское слово, 1910, № 211 (14 сентября), 2–3.

¹¹ Николаев Н. И. Новые принципы литературной критики. «По звездам», соч. Вяч. Иванова: Эфемериды. Статьи по вопросам искусства, театра и литературы, критические этюды, литературные очерки, наброски, впечатления. Киев 1912, 379.

¹² Мокиевский П. Теория познания философов и дьявольский сплав символистов: Русское богатство, 1910, № 11 (ноябрь), 112–120 (отд. 2).

¹³ Франк С. Артистическое народничество: Русская мысль, 1910, № 1, 27–38 (отд. 2).

¹⁴ Т(астевен) Г. «По звездам» По поводу сборника статей Вяч. Иванова: Золотое руно, 1909, № 6 (июнь), 74–76; С(тепун) Ф. Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. По звездам. Статьи и афоризмы: Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Кн. 1. Москва 1910, 281–282.

¹⁵ Бердяев Николай. О книге Вяч. Иванова «По звездам»: Московский еженедельник, 1909, № 42 (24 октября), 54.

¹⁶ Сюннерберг К. А. О воздушных мостах критики: Аполлон, 1909, № 2 (ноябрь), 54–62 (отд. 1).

Таков контекст, в котором яснее виден кризис символизма 1910 г. В действительности, в широкой цепной реакции на статью Иванова «Заветы символизма», развившейся в публичную дискуссию, которая длилась, по меньшей мере, два года, попросту разрядилось общее напряжение, накопившееся по частным вопросам символистской эстетики.

Сходными стремлениями руководствовались в это время и те, кто отзывался о поэзии Иванова. Младшее, набирающее силу поколение поэтов, часто ученики самого Иванова, пытались исключить своего учителя из цепи литературной традиции, прежде всего, для того, чтобы укрепить собственные позиции. Мы видим, как с 1908 г. начинается их формирование под покровительством Иванова и как затем, с удивительной быстротой, они появляются на свет, сбрасывая кокон его влияния, что приводит порою к весьма резкой полемической реакции, питаемой их тягой к независимости. Невольно вспоминается откровенное описание жестокой динамики смены поколений в литературе, которое дает Шестов в своем очерке о Чехове:

«Молодые, подрастая, убивают и съедают стариков. (...) Восходящее светило всегда светит ярче заходящего, и старики должны добровольно отдавать себя на съедение молодым».¹⁷

Реакция поэтов нередко была скорее интуитивной, нежели до конца осознанной; тем не менее, она отражает одинаковое подспудное сопротивление всеохватывающей идеологии. В письме 1909 г. Мандельштам писал Иванову о своем восхищении архитектурным великолепием и «покорительными сводами» сборника «По звездам», но, в то же время, замечал, «что книга слишком ... круглая, без углов»¹⁸. Рост семени этого сопротивления прослеживается по рецензиям на сборники стихов Иванова, написанным будущими поэтами-акмеистами. Постепенное хамелеоноподобное изменение, которое претерпевали их отзывы о творчестве «старшего» поэта, отчетливо видно у Городецкого (с поворотным пунктом в 1910 г.) и Гумилева (с поворотным пунктом в 1911 г.)¹⁹. Отзывы футуристов представлены статьей Боброва²⁰. Другие

¹⁷ Шестов Лев. Творчество из ничего (А. П. Чехов): Шестов Лев. Начала и концы. Сборник статей. Санкт-Петербург 1908, 4.

¹⁸ Мандельштам Осип. Указ. соч. II, 486.

¹⁹ Городецкий Сергей. Аминь: Золотое руно, 1908, № 7-9, 105-107; Он же. Ближайшая задача русской литературы: Золотое руно, 1909, № 4, 66-81; Он же. Идолотворчество: Золотое руно, 1909, № 1, 93-101; Он же. Да, против течения!: Против течения, 1910, № 5 (12 ноября), 2; Он же. Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер: Против течения, 1910, № 1 (15 октября), 3; Гумилев Н. Жизнь стиха: Аполлон, 1910, № 7 (апрель), 5-14 (отд. 1); Он же. Письма о русской поэзии. Рец. на кн.: Cor Ardens. Часть первая: Аполлон, 1911, № 7, 75-76; Он же. Письма о русской поэзии. Рец на кн.: Cor Ardens. Часть вторая: Аполлон, 1912, № 6, 52-53. Для анализа критических отзывов Гумилева об Иванове в контексте возникновения акмеизма см.: DAVIDSON, Pamela. Gumilev's Reviews of Viacheslav Ivanov's *Cor Ardens*. Criticism as a Tool in the Polemics of

материалы, касающиеся Асеева, Бурлюка, Хлебникова и Маяковского, были опубликованы позже.

«*Cog Ardens*» (1911–1912), сборник Иванова, вышедший в критический момент (вскоре после того, как разразился кризис символизма 1910 г., а новые течения еще только складывались), неизбежно оказался в центре борьбы за преемственность в поэзии. Несмотря на осторожность французского критика Шузевиля, высказавшего свои замечания о сборнике довольно сдержанно, как о деле личного вкуса²¹, соотечественники Иванова в целом не приняли такого отношения, продолжая считать его поэзию ареной борьбы, где спорят о теории и отстаивают права на литературную и идейную независимость.

Утверждение Иванова в роли теоретика символизма и философа культуры, происшедшее благодаря выходу двух следующих сборников его статей, «Борозды и межи» и «Родное и вселенское», привело к новому этапу в оценке его идей о культуре и религии, начало которому было положено философами Бердяевым, Булгаковым и Шестовым. По сравнению с первым сборником статей Иванова, вторая книга, «Борозды и межи», вызвала гораздо большее число рецензий, ставших теперь критичнее и сдержаннее. Эту смену тона можно почувствовать, сравнив рецензии Бердяева на первый и на второй сборники. Прежняя готовность Бердяева признать Иванова мистическим пророком и подлинным поэтом сменилась резкой критикой, в основе которой лежало обвинение, что «у него филология незаметно подменяет онтологию», а реальности религии и философии замещаются эстетическими и культурными построениями²². Столь же обличительно высказывался и другой рецензент: сравнивая оба сборника, Философов находил, что большая «шлифовка» второго «была куплена ценой некоторой мертвенности», и предъявлял далее ультиматум, требуя, чтобы автор прояснил, наконец, свою религиозную и общественную позицию и преодолел свою междуведомственность²³.

Булгаков, хотя и защищал сборник, отмечал все-таки, что для Иванова «особенно велика ... опасность эстетического подмена религиозных ценностей»²⁴. Тогда как решительная критика «Вячеслава

Literary Succession: Russian Writers on Russian Writers. Edited by Faith Wigzell with an introduction by Robin Aizlewood and Faith Wigzell. Oxford and Providence 1994, 51-65.

²⁰ Бобров С. Вячеслав Иванов и лирика: Второй сборник Центрифуги. Москва 1916, 58–59.

²¹ CHUZEVILLE, Jean. Lettres russes: Mercure de France, 1913, № 102 (март–апрель), 16 марта, 435-439.

²² Бердяев Николай. Очарования отраженных культур: Биржевые ведомости, 1916, № 15833, 30 сентября, утрен. вып., 2–3. О первой рецензии см. прим. 15.

²³ Философов Д. Рец. на кн.: Иванов Вячеслав. Борозды и межи: Речь, 1916, № 209 (1 августа), 3.

²⁴ Булгаков Сергей. Сны Геи: Утро России, 1916, № 120 (30 апреля), 4–5.

Великолепного» Шестовым сохраняла свое влияние долго²⁵, попытка Эрнэ опровергнуть ее привлекла мало внимания²⁶. Почти все рецензенты сборника были едины в желании, чтобы Иванов обратился от туманности к простоте и отчетливее определил свою позицию по ключевым социальным и религиозным вопросам. На поэтическом фронте знаком новой «смены караула» стала имевшая большой резонанс статья Жирмунского «Преодолевшие символизм», в кратком историческом введении к которой Иванов фигурирует как предшественник акмеистов – Ахматовой, Мандельштама, Гумилева²⁷.

Эта цепная реакция (преодоление консервативного сопротивления вначале, завоевание затем прочных позиций и, наконец, вызов, брошенный бывшими учениками) доказывает, что Иванов играл важнейшую роль в происходившем тогда кардинальном изменении подхода к поэзии и эстетике: переход от декадентства к символизму и от символизма к постсимволизму, во многом, был достигнут под влиянием его личности и идей.

Третий и последний этап первого периода приходится на годы между революцией и эмиграцией Иванова в Италию. К этому времени интерес к Иванову определялся, главным образом, ходом исторических событий и порожденными ими злободневными социальными и культурными проблемами. В результате вновь возник интерес к идеям Иванова и непреходящим ценностям символизма, с новыми политическими акцентами. Эстетические споры все более уступали место полемике по таким вопросам, как, например, интерпретация первой мировой войны и революции в свете славянофильских и религиозных идеалов. Эту смену акцентов можно наблюдать в статье Белого о «Родном и вселенском»: главной мишенью критика было мнение Иванова, что революция развивается нерелигиозным путем²⁸.

Теми же причинами объясняется и судьба трех книг, опубликованных Ивановым в этот период. На две первые, автобиографическую поэму «Младенчество» (1918) и трагедию «Прометей» (1919), мало обратили внимание. Большая часть первого сочинения была написана в 1913 г., и в 1918 г., когда оно вышло, его глубоко личный характер и обращенность автора в себя оказались несозвучны с новыми проблемами. Второе произведение, впервые опубликованное в 1915 г. под

²⁵ Шестов Л. Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадочничества: Русская мысль, 1916, № 10 (октябрь), 80–110 (отд. 2).

²⁶ Эрн В. О великолепии и скептицизме. К характеристике адогматизма: Христианская мысль, 1917, № 3–4 (март–апрель), 163–186.

²⁷ Жирмунский В. Преодолевшие символизм: Русская мысль, 1916, № 12 (декабрь), 25–56 (отд. 2).

²⁸ Белый Андрей. На перевале, 1–2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»): Знамя труда, 1918, № 163 (26 марта), № 170 (3 апреля). Статья переиздана в его кн.: Сирин ученого варварства. По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское». Берлин 1922, 24 с.

названием «Сны Прометея», рассматривало универсальные вопросы человеческого бытия, перелагая миф о Прометее языком, как это считалось, слишком абстрактным, чтобы соответствовать проблемам современности.

Парадоксально, что менее всего подготовленное, самое спонтанное произведение этого периода привлекло наибольшее внимание – обмен письмами Иванова с Михаилом Гершензоном, «Переписка из двух углов», опубликованная сначала в Петербурге, а затем в Берлине в 1921 и 1922 годах. Это произведение возникло скорее случайно, чем по замыслу; оно было написано в необычайно короткий срок и отправилось в печать так, что его нельзя было ни исправить, ни отредактировать. Однако воздействие его было мощным и долговременным. Наряду с предшествующими статьями Иванова 1917–1919 годов о судьбе культуры и национальном России (в особенности статья 1919 г. о кризисе гуманизма, «Кручи») эта переписка оказалась в центре полемики за или против метафизического подхода к культуре, предложенного Ивановым и, в свою очередь, определила основные тенденции в откликах на его произведения как в Советской России, так и в Европе. Эти тенденции сохраняются и по сей день. В Западной Европе их можно проследить в многочисленных изданиях и публикациях по поводу этой работы, появившихся в 1930–1950-е годы; в России они вновь проявились совсем недавно²⁹. «Переписка», более чем другие работы Иванова, стала отправной точкой кардинальной переориентации, смещения интереса от Иванова-поэта к Иванову – философу культуры, существующего и по сей день.

1925–1961

Во второй период прослеживаются три различных потока критических отзывов об Иванове: отклики в Советской России, возникающий голос русской эмигрантской критики и работы западноевропейских мыслителей.

Вскоре после эмиграции Иванова в Италию в 1924 г., началось постепенное, но вполне определенное сокращение числа работ о нем, публикуемых в Советской России. Отзывы вульгарно-марксистского толка, появлявшиеся уже среди ранних рецензий на «Переписку из двух углов», становились все более преобладающими; это направление и определило содержание разделов об Иванове в основных библиографических работах этого периода. В энциклопедиях его причисляли к буржуазным декадентам³⁰. Хотя имя Иванова упоминалось в разном

²⁹ Зелинский Владимир. На пире Платона во время чумы: Выбор, 1988, № 3, 214–257; Он же. Страна изгнания или земля обетованная. Забытый спор о культуре: Наше наследие, 1989, № 3, 132–134; Макаганова Т. Переписка из двух углов: Там же, 120–131.

³⁰ А. Д. Иванов Вячеслав Иванович: Малая советская энциклопедия, 3. Под ред. Н. Л. Мещерякова. Москва 1930, 353–354. Михайловский Б. Иванов Вячеслав Ива-

контексте, подход к его произведениям неизменно бывал искажен сильным идеологическим предубеждением против его мировоззрения и идей. Медынский, например, критикует его религиозную эстетику с марксистских атеистических позиций³¹, а Нусинов усматривает в «Прометее» продолжение того негативного изображения революционеров, что дал в «Бесах» Достоевский³².

Тем не менее, на этом фоне продолжали появляться и некоторые ценные работы. Значительный интерес сохраняет исследование Гудзия об Иванове и Тютчеве³³, а в работе Жирмунского, хотя и весьма идеологически предвзятой, анализируются существенные аспекты такой важной темы, как отношение Иванова к Гете³⁴. Ряд статей о символизме, самой интересной из которых остается очерк Гофмана о языке символистов и его замечания об Иванове в этой связи, вошли в опубликованный в 1937 г. том «Литературного наследства»³⁵. Материалы, и ныне сохраняющие свое значение, содержит и введение Орлова к изданной им переписке Блока и Белого³⁶.

Мемуарная литература, по-видимому, была более свободна от идеологических ограничений. Имя Иванова стало часто встречаться в обширной мемуарной литературе, появившейся после смерти Блока. Как самобытной фигуре ему отводилось видное место в мемуарах Пяста и Чулкова, а также в сборнике отрывков из разных источников, составленном Немеровской и Вольпе³⁷. Опубликованные в начале 1930-х годов мемуары Белого, хотя и заметно отличались по духу от его ранних воспоминаний о Блоке³⁸, тем не менее, давали один из последних и

нович: Литературная энциклопедия, 4. Под ред. А. В. Луначарского. Москва 1930, 404–409.

³¹ *Медынский Г. А.* В поисках утерянных реальностей. Богоискательство и символизм: Религиозные влияния в русской литературе. Москва 1933, 85–128.

³² *Нусинов И.* Как Прометей был объявлен первопричиной зла: Вячеслав Иванов, «Прометей». В его кн.: Вековые образы. Москва 1937, 140–148.

³³ *Гудзий Н.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма: Известия по русскому языку и словесности 3/2 (1930) 465–549.

³⁴ *Жирмунский В.* Гете в русской поэзии: Литературное наследство, 4–6. Москва 1932, 505–650 (об Иванове – 604–605). Расширенный вариант: *Он же.* Гете в русской литературе. Ленинград 1937, 575–606, 668–670.

³⁵ *Гофман В.* Язык символистов: Литературное наследство, 27–28. Москва 1937, 54–105.

³⁶ *Орлов Вл.* История одной «дружбы-вражды»: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Под ред. В. Н. Орлова. (Летописи государственного литературного музея, кн. 7). Москва 1940, V–LXIV.

³⁷ *Пяст В.* Первые среды. Еще о средах. Башенный театр. В его кн.: Встречи. Москва 1929, 44–62, 85–102, 166–180; *Чулков Георгий.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. Москва 1930; *Среды Вячеслава Иванова: Судьба Блока. По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, статьям и другим материалам.* Под ред. О. Немеровской и Ц. Л. Вольпе. Ленинград 1930, 92–107.

³⁸ *Белый Андрей.* Начало века. Москва–Ленинград 1933; *Он же.* Между двух революций. Ленинград 1934; *Он же.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке:

наиболее полных портретов Иванова, который появился в Советской России до начала второй волны мемуаров в конце 1960-х годов.

Второй поток составляли все усиливавшиеся голоса тех многих русских, кто оказался, как и Иванов, в эмиграции. В числе эмигрантских авторов, опубликовавших воспоминания и критические статьи об Иванове, были Г. Адамович, Н. Берберова, Н. Бердяев, И. Бунин, М. Волошина, Л. Габрилович, З. Гиппиус, И. Голенищев-Кутузов, М. Гофман, М. Добужинский, Б. Зайцев, Ф. Зелинский, Г. Иванов, Е. Кузьмина-Караваева, С. Маковский, Э. Метнер, Д. Мирский, П. Муратов, Б. Погорелова, Л. Сабанеев, Ф. Степун, А. Тыркова-Вильямс, Г. Флоровский, С. Франк, В. Ходасевич и О. Шор (Deschartes).

Тот факт, что голос русской эмиграции зазвучал и набрал силу довольно нескоро, без сомнения, был связан с нежеланием Иванова публиковаться в эмигрантской печати. Хотя он разрешил Голенищеву-Кутузову процитировать некоторые свои стихотворения в двух статьях, опубликованных в 1930 г.³⁹, официальный запрет на публикацию своих произведений в эмигрантских журналах он снял лишь в 1936 г. после своего первого совместного с эмигрантской общиной выступления в связи с 70-летием Мережковского⁴⁰. После выхода «Римских сонетов» в «Современных записках» и статьи Степуна⁴¹ стихи Иванова стали публиковаться регулярно, открывая новый период откликов на его произведения со стороны писателей эмиграции.

Некоторые эмигрантские авторы ограничивались в своих отзывах об Иванове воспоминаниями о той важнейшей роли, которую он играл в дни «башни», но, будучи, по большей части, явно неосведомлены о его продолжающемся творческом развитии и растущих связях с европейской культурой, лишь вскользь отмечали, что он живет в Риме и обратился в католицизм. Те, кто, как Голенищев-Кутузов или Степун, навещали Иванова в Риме и поддерживали с ним тесные контакты благодаря переписке, могли лучше обрисовать развитие поэта. Картина стала полнее после 1949 г.: о смерти Иванова широко сообщалось в русской эмигрантской и европейской прессе, она вызвала большое число некрологов, сожалевших о том, что имя его оказалось предано забвению и пытавшихся, оглядываясь назад, точнее оценить его роль в культуре XX в.

Что же касается третьего потока – откликов европейских мыслителей, – то здесь следует заметить, что, когда Иванов приехал в Италию в 1924 г., он был известен в Европе сравнительно мало; в 1903–

Записки мечтателей, 1922, № 6, 7–122; *Он же*. Воспоминания о А. А. Блоке: Эпопея, 1922, № 1, 123–273; 1922, № 2, 105–299; 1922, № 3, 125–310; 1923, № 4, 61–305.

³⁹ Голенищев-Кутузов Илья. Лирика Вячеслава Иванова: Современные записки, 1930, № 43, 463–471; *Он же*. Отречение от Диониса: Вячеслав Иванов: Возрождение, 1930, № 1857, 3 июля, 3–4.

⁴⁰ Чествование Д. С. Мережковского: Последние новости, 1935, № 5381, 17 декабря, 2.

⁴¹ Степун Ф. Вячеслав Иванов: Современные записки, 1936, № 62, 229–246.

1913 гг. о нем появилось лишь несколько статей в английских, французских и немецких журналах. Внимание общественности было привлечено к нему, во многом, благодаря одному событию его духовной биографии и выходу переводов двух его произведений. Значительный интерес в католических кругах и у религиозных деятелей, неравнодушных к экуменическому единству церковей (Папини, Шульце, Тышкевич, Ширяев), вызвало его обращение в католицизм в 1926 г. Кроме того, в результате публикации «Переписки из двух углов» в журнале Бубера «Die Kreatur» (1926) и последовавшего затем ее издания по-французски (1930, 1931) и итальянски (1932), Иванов вступил в переписку с Курциусом, Дю Босом, Пеллегрини и другими выдающимися мыслителями. Интерес к Иванову выразился в появлении в 1933 г. целиком посвященного ему номера «Il Convegno» со статьями Курциуса, Дю Боса, Марсея, Пеллегрини, Штейнера и других, за которым последовал ряд приглашений сотрудничать в таких ведущих европейских журналах за пределами Италии, как «Corona» и «Hochland». Также привлекла большое внимание и вызвала несколько рецензий немецкая версия (1932) более ранней работы Иванова о Достоевском. До сих пор две эти грани личности Иванова – философ культуры и толкователь Достоевского – занимают видное место в критической мысли о нем.

Большинство европейских авторов, писавших об Иванове после войны и революции, обращались к нему из интереса к его идеям о христианском гуманизме и культуре. Многие из них не знали русского языка и, хотя часто упоминали Иванова как величайшего русского поэта-современника⁴², имели слабое представление о его поэзии или о его идеях и жизни в России до эмиграции. Исключением были Кюфферле, переводчик «Человека» на итальянский⁴³, и итальянские слависты Ло Гатто⁴⁴, Поджиоли⁴⁵ и Рипеллино⁴⁶.

Три рассматриваемых потока – голоса из Советской России, в русской эмиграции и отзывы европейцев – были весьма различны, мало связаны между собой и нередко протекали несколько в стороне от самого Иванова. Здесь выделяются фигуры Дешарт, Степуна и Го-

⁴² STEINER Herbert. Idea e Amore. Il Convegno, 1933, Anno XIV, № 8-12, 272–273. 15° Lunedì Letterario: Venceslao Ivanov. Orientamenti dello spirito moderno. Conferenza al Casino Municipale di San Remo: L'Eco della Riviera, 1933, № 30 (9 апреля), 1; PAPINI Giovanni. I Sette Vecchioni: Santi e Poeti. Firenze 1948, 243–249.

⁴³ KÜFFERLE, Rinaldo. Un poeta russo ospite dell'Italia. Visita a Venceslao Ivanov: Corriere della Sera, 1931, № 167 (15 июля) 3; Ero же предисловие в кн.: Venceslao Ivanov, L'Uomo. Стихотворный перевод Rinaldo Küfferle. Milano 1946, 7–14.

⁴⁴ LO GATTO, Ettore. Storia della letteratura russa. Firenze 1942, 447–449, 457; Он же, Storia del teatro russo, 2. Firenze 1952, 148–150, 192, 197, 251–252, 289, 317; Он же, Storia della letteratura contemporanea. Milano ²1958, 296–302.

⁴⁵ POGGIOLI, Renato. Il fiore del verso russo. Einaudi, 1949, 55–57, 181–89. См. прим. 48.

⁴⁶ RIPELLINO, Angelo Maria. Poesia russa del Novecento. Versioni, saggio introduttivo, profili biobibliografici e note a cura di A. M. Ripellino. Parma 1954.

ленищева-Кутузова, которые были близки к Иванову и, в то же время, способны перекинуть мост между русским миром и миром европейских мыслителей. В остальном обрывочность сведений и разобщенность с Ивановым многих, кто писал о нем (во всех трех лагерях), зачастую приводили к тому, что прошлое затуманивалось и период башни в нем покрывался дымкой легенд и мифов.

1962–1985

Третий основной период примечателен в двух отношениях: он был ознаменован появлением интереса к Иванову со стороны нового, послевоенного поколения и первыми после смерти поэта публикациями его произведений: сборника «Свет вечерний» (1962), первых томов брюссельского собрания сочинений (1971–) и книги его стихов и переводов в России (1976).

В течение этого периода западная наука пошла далее стадии писания мемуаров и предлагающих общую интерпретацию статей современников и начала утверждаться на более профессиональной основе. Прежние голоса русской эмиграции и западноевропейских критиков слились теперь с исследованиями нового поколения западных ученых-славистов. Первые работы в этой области восходят к концу 1950-х годов: анализ поэтики и эстетики русского символизма Голтхузена⁴⁷, работа Поджиоли о «Переписке из двух углов» и русской поэзии современной эпохи⁴⁸ и детальное исследование Дончин о связях между русским и французским символизмом⁴⁹. Первые подробные монографии и диссертации об Иванове стали появляться в середине 1960-х – начале 1970-х годов. Среди них можно назвать диссертацию Стейси о «*Cor Ardens*»⁵⁰, работы Тарановского о влиянии Иванова на Мандельштама⁵¹, монографию Карин Тщепль о поэзии Иванова⁵², работу Уэста

⁴⁷ HOLTUSEN, Johannes. Studien zur Ästhetik und Poetik des russischen Symbolismus. Göttingen 1957.

⁴⁸ POGGIOLI, Renato. A Correspondence from Opposite Corners: Perspectives of Criticism. Ed. by Harry Levin. Harvard Studies in Comparative Literature, 20 (Cambridge, Mass. 1950) 223–248; Работа переиздана в его кн.: The Phoenix and the Spider: A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. Cambridge, Mass. 1957, 208–228; *Он же*, Vjacheslav Ivanov: The Poets of Russia, 1890–1930. Cambridge, Mass. 1960, 161–170; *Он же*, Simbolismo russo e occidentale: Letterature Moderne, 1961, no. 5 (сентябрь–октябрь), 586–602.

⁴⁹ DONCHIN, Georgette. The Influence of French Symbolism on Russian Poetry (Slavistic Printings and Reprintings, XIX). The Hague 1958.

⁵⁰ STACY, Robert Harold. A Study of Vjacheslav Ivanov, *Cor Ardens* (Part I): Ph. D. dissertation, Syracuse University, 1965, 304 стр.

⁵¹ Тарановский К. Ф. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама. К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама: To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966, т. 3. The Hague–Paris 1967, стр. 1973–1995; *Он же*. Три заметки о поэзии Мандельштама: International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1969/12, 165–170. Обе статьи в переработанном виде и на английском языке

о символистской эстетике Иванова в контексте русской литературной традиции⁵³ и монографию Гетцера о «Тантале»⁵⁴.

С выходом в свет под редакцией Ольги Дешарт и Дмитрия Иванова первого тома собрания сочинений вновь стали доступны редкие работы Иванова, а введение и примечания к изданию предоставили читателю богатый материал о жизни поэта и его творчестве. Вышедшие из печати четыре тома (1971, 1974, 1979, 1987), из шести планируемых, дали значительный импульс дальнейшим исследованиям, а также возможность заново оценить значение Иванова для прошлого, настоящего и будущего русской поэзии. Косвенным результатом выхода первых томов этого нового собрания стала серия посвященных Иванову международных симпозиумов, проходивших в университетах Йеля (1981), Рима (1983), Павии (1986), Гейдельберга (1989), Женевы (1992) и Будапешта (1995), каждый из которых (кроме римского) сопровождался публикацией сборника статей об Иванове⁵⁵. В течение этого периода появились и другие важные работы, в первую очередь, статья Холтхузена и монография Мальковати⁵⁶.

В Советской России исследования развивались существенно иным путем. С начала 1960-х годов, и все усиливаясь к концу десятилетия, раздаются новые голоса – молодого поколения литературоведов, воспользовавшихся более свободной атмосферой послесталинской России, чтобы вновь открыть и воскресить Иванова для современного читателя. Важный вклад внесла Ксения Муратова, которая составила первую значительную библиографию работ Иванова и об Иванове, включавшую 52 наименования и опирающуюся на дореволюционные, а также советские источники⁵⁷. Свежо и непредвзято рассматривалась эстетика Иванова и ее связи с произведениями других поэтов в книге Лидии Гинзбург о лирике, а работа Михаила Гаспарова положила начало серьезному изучению стихосложения и поэтической техники Иванова⁵⁸.

вошли в его кн.: *Essays on Mandelštam*. Harvard Slavic Studies, VI. Cambridge, Mass.–London 1976, 83–114, 161–168.

⁵² TSCHÖPL, Carin. *Vjačeslav Ivanov: Dichtung und Dichtungstheorie* (Slavistische Beiträge, 30). München 1968, 235 стр.

⁵³ WEST, James. *Russian Symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and the Russian symbolist aesthetic*. London 1970, 257 стр.

⁵⁴ HETZER, Armin. *Vjačeslav Ivanovs Tragödie „Tantal“: Eine literarhistorische Interpretation* (Slavistische Beiträge, 59). München 1972, 202 стр.

⁵⁵ См. прим. 74.

⁵⁶ HOLTUSEN, Johannes. *Vjačeslav Ivanov als symbolistischer Dichter und als russischer Kulturphilosoph*. München 1982, 44 стр.; MALCOVATI, Fausto. *Vjačeslav Ivanov. Estetica e filosofia*. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Pavia, 31 (Firenze 1983) 99 стр.

⁵⁷ История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Под ред К. Д. Муратовой. Москва–Ленинград 1963, 243–245.

⁵⁸ Гинзбург Л. О лирике. Москва–Ленинград 1964, 257–258, 267, 342–343; Гаспаров М. Л. Античный триметр и русский ямб: Вопросы античной литературы и классической филологии. Москва 1966, 393–410.

С середины этого десятилетия, приблизительно со времени столетнего юбилея Иванова, началась новая волна мемуаров, в числе которых были воспоминания Лидина, Чарного, Алянского и Альтмана⁵⁹. Кроме мемуаров Альтмана все остальные были написаны с явно «советских» позиций, но, тем не менее, содержат немало интересного. Откровенно идеологического подхода по-прежнему придерживались такие критики, как Михайловский, чей очерк истории русского символизма, хотя и выдавался за прежде не публиковавшийся, в действительности во многом воспроизводил его крайне тенденциозную публикацию тридцатилетней давности⁶⁰. Другие критики, такие как Соловьев, чья книга о Блоке неоднократно переиздавалась, продолжали изображать Иванова и Зиновьеву-Аннибал весьма односторонне и негативно⁶¹.

Некоторые публикации, стремившиеся развить новый подход к творчеству Иванова в общем контексте символизма, все еще отличались антирелигиозными предрассудками и преимущественно социальной направленностью, присущей советской литературной критике. Так Машбиц-Веров считал, что поэзия Иванова удачна лишь тогда, когда поэт отходит от мистицизма, и ограничивался в своем исследовании ивановского творчества периодом до эмиграции, называя ее предательством России⁶². Минц подчеркивала необходимость спасти Иванова от забвения, но всё же делала особенное ударение на его отношении к революции 1905 г. и заявляла, что «историк литературы не должен замалчивать монархических тенденций ряда произведений раннего Вячеслава Иванова» или «избегать разговора об идеалистических основах миросозерцания писателя»⁶³. Долгополов в своей статье вновь обратил внимание на поэзию Иванова как сердцевину его наследия, но особо

⁵⁹ *Лидин Вл.* Вячеслав Иванов. В его кн.: Люди и встречи. Москва 1965, 188–195; *Чарный М.* Неожиданная встреча. Вячеслав Иванов в Риме: Вопросы литературы, 1966, № 3, 194–199; *Алянский С. М.* Встречи с Блоком. Из записок издателя: Новый мир, 1967, №6, 159–206; *Альтман М. С.* Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.): Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 209 (1968), 304–325.

⁶⁰ *Михайловский Б. В.* Символизм: Русская литература XX века. С девяностых годов XIX века до 1917 г. Москва 1939, 220–259; *Он же.* Из истории русского символизма (1900-е годы). В его кн.: Избранные статьи о литературе и искусстве. Под ред. А. Г. Соколова. Сост. И. В. Корецкая. Москва 1969, 389–447; *Он же.* Символизм: Русская литература конца XIX – начала XX в.: 1901–1907. Под ред. Б. А. Бялика. Москва 1971, 229–318.

⁶¹ *Соловьев Борис.* Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. Москва 1965, 151–152, 300–307.

⁶² *Машбиц-Веров И. М.* Творчество Вячеслава Иванова: Материалы VII зональной научной конференции литературоведческих кафедр университетов и педагогических институтов Поволжья. Волгоград 1966, 45. Значительно расширенный вариант в его кн.: Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев 1969, 141–153.

⁶³ *Минц З. Г.* О «беседах с поэтом В. И. Ивановым М. С. Альтмана»: Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 209 (1968), 297–303.

выделял цикл стихов о революции 1905 г., «Година гнева», как поворотный пункт в развитии поэта и доказательство его социального пробуждения⁶⁴.

Желание избежать глубоко укоренившегося идеологического подхода, несомненно, способствовало складыванию характерных тенденций в науке этого периода. Широким аналитическим исследованиям обычно предпочитали публикации архивных материалов. Отметим также явную тенденцию изучать Иванова, скорее, в связи с его более признанными, «канонизированными» современниками, Блоком и Брюсовым, нежели как самостоятельное художественное явление. Так, например, непропорционально велик объем литературы, посвященной разным сторонам отношений Блока и Иванова, сравнительно с ограниченным числом исследований о связях последнего с другими, может быть, не столь «общепризнанными», но значительными современниками.

В результате этих двух обстоятельств более подчеркивалась роль Иванова в истории литературы, чем раскрывался его собственный поэтический мир или писались обобщающие аналитические работы. Типичными публикациями того времени были скрупулезно прокомментированные издания переписки Иванова, подробные воссоздания его деятельности в различные периоды жизни и исчерпывающие сообщения о его отношениях с издательствами и журналами. Эту тенденцию отражают основополагающее исследование Котрелева о бакинских годах Иванова⁶⁵, издание его переписки с Брюсовым, подготовленное Гречишкиным, Котрелевым и Лавровым⁶⁶, и многочисленные архивные публикации Лаврова, Тименчика, Купченко, Гречишкина и Герасимова в различных выпусках «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского дома»⁶⁷. Выход в 1976 г. небольшого тома стихотворений и переводов Иванова в серии «Библиотека поэта» был первой попыткой издать его произведения в Советском Союзе. Хотя эта книга и не дает полной картины творчества Иванова, ее появление

⁶⁴ Долгополов Л. К. Поэзия русского символизма: История русской поэзии, 2. Под ред. Б. П. Городецкого. Ленинград 1969, 253–329.

⁶⁵ Котрелев Н. В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета: Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 209 (1968), 326–339.

⁶⁶ Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). Под ред. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова: Литературное наследство, 85. Валерий Брюсов. Москва 1976, 428–545.

⁶⁷ Анненский И. Ф. Письма к С. К. Маковскому. Под ред. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Ленинград 1978, 222–241; Анненский И. Ф. Письма к М. А. Волошину. Там же, 242–252; Эрберг Конст. (К. А. Сюннерберг). Воспоминания. Под ред. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Ленинград 1979, 99–146; Герасимов Ю. К. Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея»: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Ленинград 1984, 178–203.

обозначило новый этап на пути включения Иванова в официальный литературный канон.

В целом исследования на Западе и в Советском Союзе продвигались параллельными путями, редко пересекаясь. Русские ученые, как правило, были не осведомлены о работе, проделанной на Западе; обзоры западных исследований по русской литературе, появлявшиеся в Советском Союзе, в большинстве своем, касались ограниченного круга работ и носили откровенно критический характер⁶⁸.

1986–1995

Четвертый и заключительный период, рассматриваемый в этом обзоре, начинается в 1986 г., когда в области культуры почувствовалось влияние перемен, вызванных наступлением перестройки и гласности. Начиная с этого времени, резко возросло и ежегодное число публикаций об Иванове. В некоторой степени, это, несомненно, стало результатом вышеупомянутого обстоятельства – серии международных ивановских симпозиумов, начавшихся в 1981 г. и повлекших за собой выпуск сборников статей о творчестве поэта, первый из которых появился в 1986 г. Однако это явление можно рассматривать и как одну из общих закономерностей посмертной судьбы Иванова, выразившуюся в устойчивом росте с середины 1970-х годов числа публикаций о нем. Если хронологически половина пути между 1903 и 1995 годами приходится приблизительно на время смерти Иванова в 1949 г., то, исходя из общего числа публикаций о нем за тот же период, половина пути была пройдена почти тридцатью годами позже, в середине 1970-х. Другими словами, за последние два десятилетия об Иванове было опубликовано больше работ, чем за предшествующие семь десятилетий; половина всех критических работ была написана менее, чем за четверть рассматриваемого промежутка времени.

Среди множества появившихся с 1986 г. работ об Иванове довольно велико число книг. Многие в жизни Иванова проясняют замечательные воспоминания Лидии Ивановой, полные мягкого юмора и бережно подобранных, живых подробностей⁶⁹. Связь между ивановской концепцией дионисизма и теорией карнавала Бахтина исследовала Лена Силард⁷⁰, а Памела Дэвидсон рассмотрела мировоззрение и поэзию

⁶⁸ Григорьев А. Л. Русский модернизм в зарубежном литературоведении: Русская литература, 1968, № 3, 199–215; Небольсин С. А. Литературно-эстетические концепции русского модернизма в оценках современного буржуазного литературоведения Запада: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. Москва 1975, 377–380.

⁶⁹ Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Под ред. Дж. Мальмстада. Париж 1990, 428 с. Репринтное издание. Москва 1992.

⁷⁰ SZILÁRD, Léna. A carnevélmélet. Vjacseszlav Ivanovtól Mihail Bahtyinig. Budapest 1989, 171 стр.

Иванова сквозь призму восприятия им Данте и средневековой католической традиции⁷¹. Работы о символистском театре с обширными разделами об Иванове опубликовали Даниэла Рицци и Мария Цимборска-Лебода,⁷² а Доната Муредду издала объемную книгу избранных стихотворений, трагедий и статей Иванова в итальянском переводе⁷³. Результатом симпозиумов, проходивших в университетах Йеля, Павии, Гейдельберга и Женевы, стали четыре тома интересных статей, появившиеся в 1986, 1988, 1993 и 1994 гг.⁷⁴ Некоторые ученые, в их числе Н. Богомолов, Н. Котрелев, О. Кузнецова, К. Лаппо-Данилевский, А. Лавров, Г. Обатнин и М. Вахтель, опубликовали ценные архивные материалы. Многочисленные, прежде не публиковавшиеся материалы и воспоминания об Иванове были собраны в специальном номере «Нового литературного обозрения», вышедшем под редакцией Н. Котрелева⁷⁵. Книга по истории русского символизма Эврил Пайман – первое крупное и всестороннее исследование, где Иванову отводится должное место на фоне всей той эпохи⁷⁶. Выполненный Этторе Ло Гатто итальянский перевод книги Иванова о Достоевском вышел с подробным введением Андрея Шишкина⁷⁷. Итальянская монография Гвидо Карпи посвящена Иванову – теоретику символизма и мифотворчества⁷⁸. Важную область сравнительного литературоведения открывает Майкл Вахтель

⁷¹ DAVIDSON, Pamela. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's Perception of Dante*. Cambridge Studies in Russian Literature. Cambridge 1989, 334 стр.

⁷² RIZZI, Daniela. *La rifrazione del simbolo: Teorie del teatro nel simbolismo russo*. Eurasiatica. Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici, Università degli Studi di Venezia, no. 9. Padova 1989, 81–142; CYMBORSKA-LEBODA, Maria. *Dramat pod znakiem Dionizosa: Myśl estetyczna a poetyka gatunków symbolistów rosyjskich*. Lublin 1992, 46–59, 121–163.

⁷³ IVANOV, Vjačeslav. *Liriche. Teatro. Saggi*. Под ред. Donata Gelli Mureddu. Предисловие: Michele Colucci. *Homo Europaeus* 2. Roma 1993, 466 стр.

⁷⁴ Vyacheslav Ivanov: *Poet, Critic and Philosopher*. Под ред. Robert Louis Jackson and Lowry Nelson, Jr. *Yale Russian and East European Publications*, no. 8. New Haven, Yale Center for International and Area Studies, 1986, 474 стр.; *Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*. Под ред. Fausto Malcovati. *Pubblicazioni della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Pavia*, no. 45, т. 1, Testi in italiano, francese, inglese, 260 стр.; т. 2. Доклады на русском языке, 186 стр. Firenze 1988; *Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums*. Heidelberg, 4.–10. September 1989. Под ред. Wilfried Potthoff. Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1993, 384 стр. *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*. *Cahiers du monde russe*, 1994, 35 (1–2) (январь–июнь), 428 стр..

⁷⁵ Вячеслав Иванов. *Материалы и публикации*. Под ред. Н. В. Котрелева: *Новое литературное обозрение*, 1994, № 10, 312 с.

⁷⁶ PYMAN, Avril. *A History of Russian Symbolism*. Cambridge 1994, 481 стр.

⁷⁷ IVANOV, Vjačeslav. *Dostoevskij: Tragedia*. Mito. *Mistica*. Traduzione italiana di Ettore Lo Gatto. Edizione a cura di Stefano Garzonio. *Introduzione di Andrej Shishkin*. Bologna 1994.

⁷⁸ CARPI, Guido. *Mitopoiesi e ideologia: Vjačeslav I. Ivanov teorico del simbolismo*. Lucca 1994, 142 стр.

своей работой о восприятии Ивановым Гёте и Новалиса⁷⁹. Его сопровождающееся подробным комментарием издание переводов Иванова с немецкого и переписки поэта с рядом выдающихся авторов, в том числе с Бубером, Курциусом и Гербертом Штейнером, является важнейшим источником для изучения как духовной биографии Иванова в эмиграции, так и в целом истории европейской культуры⁸⁰. В польской монографии Гражины Бобилевич изучается связь поэзии Иванова с другими родами искусства – живописью, скульптурой, архитектурой и музыкой⁸¹.

Ожидается выход пятого и шестого томов собрания сочинений Иванова, а также составленное Н. Котрелевым критическое издание его избранных статей под редакцией А. Доброхотова и с комментариями Г. Обатнина и А. Соболева. Должны выйти новый трехтомник поэзии Иванова под редакцией О. Кузнецовой, Г. Обатнина и А. Шишкина со вступительной статьей С. Аверинцева и критическое издание и перевод ивановской работы о религии Диониса Кэрол Аншвец.

Хотя, несомненно, понадобится некоторое время, чтобы новая школа критической мысли, не ограничиваемая идеологическими барьерами прошлого, обрела свой голос в России, уже чувствуются определенные сдвиги. В результате распада советского государства произошло долгожданное расширение контактов между русскими и западными учеными. Появились некоторые новые журналы и издательства, и работы западных славистов начинают выходить в русских переводах. Прогресс, однако, резко сдерживают многочисленные практические трудности, препятствующие подобным начинаниям во времена экономической нестабильности, а также сдвиг интересов общества от литературы и культуры к политике и истории.

Возникают и другие проблемы. Радость «открытия» утраченного наследия породила наплыв публикаций, не всегда учитывающих предшествующие работы западных ученых. Волна архивных «раскопок» и переиздания старых материалов не всегда сопровождается соответствующим их анализом. С другой стороны, западные ученые часто не могут уследить за публикацией новых источников и архивных материалов в России. Некоторые темы были предметом особого внимания одновременно в нескольких странах (примеры тому – ивановская концепция театра или связь его творчества с Данте, Скрябиным и Бахтиным). В результате спонтанного возникновения этих «магнитных полей» появился ряд публикаций, авторы которых работали в

⁷⁹ WACHTEL, Michael. *Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov*. Madison 1994, 247 стр.

⁸⁰ IVANOV, Vjačeslav. *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß*. Под ред. Michael Wachtel. Mainz 1995, 317 стр.

⁸¹ BOBILEWICZ, Grazyna. *Wyobraźnia poetycka - Wiaćesław Iwanow w kręgu sztuk*. Warszawa 1995, 383 стр.

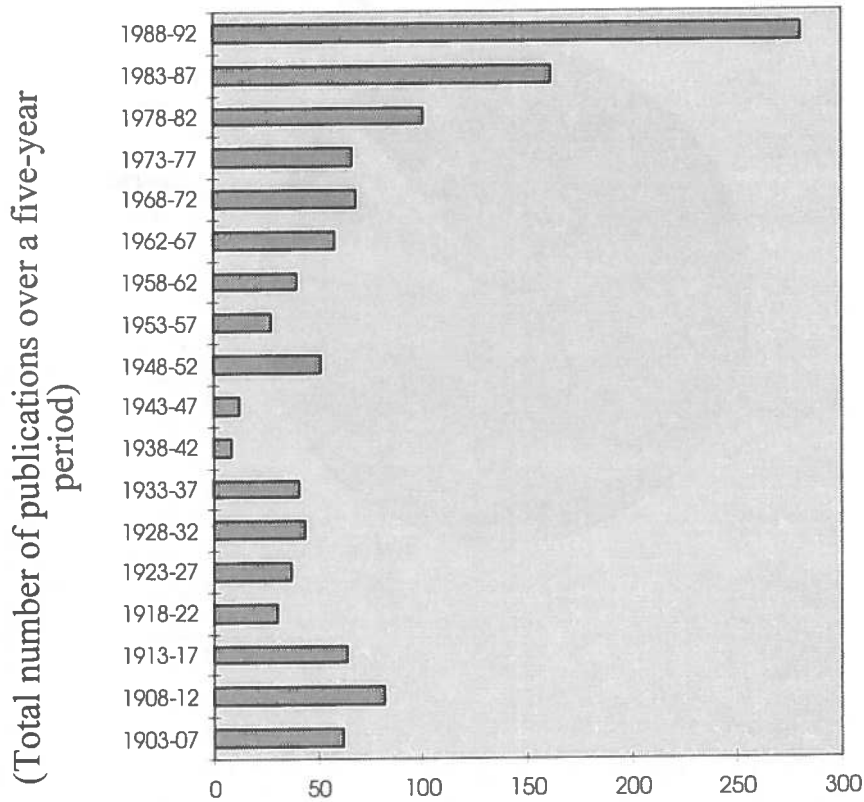
изоляции друг от друга и, по-видимому, не знали о параллельной или предшествующей работе в данной области.

И, наоборот, в некоторых областях изучения жизни и творчества Иванова сделано еще слишком мало. В значительной мере нетронутым кладезем, ожидающим внимательного анализа, остается его поэзия. Уже исследовались определенные аспекты связей творчества Иванова с европейской культурой (как, например, его восприятие Данте, Петrarки, Гете и Новалиса), тогда как другие (например, его связь с французскими и английскими авторами) почти совершенно обойдены вниманием. Во всесторонней оценке нуждается место самого Иванова в русской традиции. Важнейшая тема, едва затронутая, – чем был обязан Иванов писателям XVIII в. и таким своим предшественникам, как Пушкин, Баратынский или Тютчев. Seriously не изучено и большое влияние Иванова на формирование поэтов следующего поколения. Настало время для создания полной и хорошо документированной биографии Иванова, основанной на богатых архивных источниках в России и Риме, до сей поры едва затронутых.

Можно продолжить этот список пожеланий. Ученые, как правило, изучают наследие Иванова либо до, либо после его эмиграции, не рассматривая проблему развития его творчества и личности. Бóльшего внимания, путем сличения рукописей и различных изданий, требует история текстов ивановских произведений: публикуя архивные материалы, проделывается большая работа, в то время как тексты первоисточников еще должным образом не освоены и не прокомментированы. Кроме того, необходимо создание основательной библиографии трудов Иванова и постоянное расширение библиографии работ о нем. Была бы весьма желательной попытка совместно составить центральный каталог и базу данных об архивных ресурсах Москвы, Санкт-Петербурга и Рима.

В настоящее время, спустя столетие, после того как впервые сказалось непосредственное влияние Иванова на русскую литературу, мы вступаем в новый период, когда становится возможным слияние всех упомянутых в статье разных потоков в один. Без сомнения, Иванов был человеком, выступавшим за принцип цельности: в своем поэтическом творчестве, литературных статьях и научной деятельности он настойчиво стремился, примиряя и сплавливая противоположности в синтез, достичь некоего тонкого баланса. Такова ирония истории литературы, что в его посмертной судьбе столько фрагментарного. Можно лишь надеяться, что нынешние попытки прояснить прошлое, направив его разные, разделенные потоки в общее русло, восстановят ту цельность Иванова, за которую выступал он сам, и, тем самым, заложат основы более полного, всеобъемлющего представления о его месте как в европейской, так и в русской культуре.

Pamela Davidson, School of Slavonic and East European Studies, University of London
(Based on the author's forthcoming annotated bibliography of 1300 items of critical literature about Ivanov, to be published as *Viacheslav Ivanov: A Reference Guide*, New York: G.K.Hall, 1996)

Литература о Вяч. Иванове в разных языках

